

Злюся
Романова

БЫВШИЕ
Цена париш

18+

Злюся Романова

БЫВШИЕ. Цена пари

<https://litres.ru/74089114>

SelfPub; 2026

Аннотация

Десять лет назад Настя сбежала из института, узнав, что их красивый роман с Германом был лишь циничным спором на деньги, а сама она беременна.

Сегодня он возвращается в её жизнь в роли сурового и властного босса. Герман не узнает в повзрослевшей женщине прошлую скромную девочку, но его цепкий взгляд и опасные вопросы заставляют её сердце замереть от ужаса.

Насте во что бы то ни стало нужно скрыть правду. Ведь если этот жесткий мужчина поймет, что её девятилетний сын — его точная копия, он пойдет на всё, чтобы забрать ребенка себе.

Игра начнется заново, но на этот раз ставки слишком высоки.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	36
Глава 5	42
Г	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Злюся Романова

Бывшие. Цена пари

Пролог

— Ну ты, Герыч, реально красава! — группа старшекурсников развалилась на широком подоконнике в коридоре первого этажа, прямо напротив входа в столовую.

— Да фигня вообще, — Герман лениво пожал плечами, его губы расплзлись в самодовольной ухмылке. — Эта Пончик сама напрашивалась. С закрытыми глазами попадёшь.

— Бля, я думал, она дольше сопротивляться будет, — Леха поправил свою кепку, его глаза блестели от предвкушения. — С меня, значит, десять штукарей?

— А ты думал, я забуду? Давай, не тяни, кидай бабки, — Герман прищурился.

— И как, легко дала? Или пришлось постараться? — кто-то из компании подался вперёд.

— Дала, но не сразу, — Герман поправил капюшон, его голос сочился самодовольством. — Две недели корчил из себя интеллигента. Заливал про Песталоцци, про методики обучения. А она таяла, как мороженое на солнце.

— Пончик — она и есть Пончик, — Димас заржал, жуя беляш. — Я с ней на физре был. Мягкая, как подушка. Так

и просится, чтобы её помяли.

— Ага, — Герман подмигнул. — Я и помял. Вчера ночью.

— И как? — подал голос кто-то из толпы.

— Да так себе, — Герман скривился. — Средняя. Мяс много, толку ноль.

— Ну а она-то в тебя втрескалась?

— Ещё как. Я ж у неё первый был. Типа первооткрыватель.

— Да ладно! Пончик реально целка была? — Леха чуть не упал от удивления.

— Была. И что? — Герман закатил глаза. — С этими целками одна морока. Они потом думают, что ты им что-то должен. Она мне в ухо шептала про любовь, что я «не такой, как все». — Он передразнил писклявым голосом. — Думает, я сейчас на колени упаду и замуж позову.

— Ну ты, Герыч, кобель, — Димас хлопнул его по плечу.

— Ещё какой, — Герман потер руки. — Ну что, гоните бабки, лохи. Или пончиками отдадите?

Все заржали, громко, противно, как гиены.

На них обернулся какой-то первокурсник. Леха показал ему средний палец.

— Герыч, а Пончик, наверное, уже планирует свадьбу и детей, — Леха снова заговорил писклявым голосом. — «Герочка, какой супчик тебе сварить? Борщик или рассольник? Массаж сделать? В ЗАГС пойдём?»

Герман скривился:

— Плевать. Пусть варит своему будущему мужу-лоху. Только это буду не я. Нахуй мне такая тупая корова.

Он спрыгнул с подоконника.

Компания зашевелилась, хватая рюкзаки.

Настя стояла у дверей столовой. Она только подошла, хотела перекусить перед парой, но теперь всё вылетело из головы.

Герман столкнулся с ней взглядом и замер. За ним, споткнувшись о тишину, остановились остальные.

— Значит, — её голос дрожал, но она смотрела ему прямо в глаза, — значит, я просто спор?

Герман дёрнул плечом.

— Ага. А ты что, не поняла? Думала, я всерьёз? Ну ты и наивная.

Пауза повисла в воздухе.

Он отвернулся первым.

— Погнали, — бросил через плечо и зашагал вверх по лестнице, перепрыгивая через ступеньки.

Компания потянулась за ним. Леха хотел что-то сказать, но Димас толкнул его:

— Иди.

Они исчезли за поворотом.

Настя осталась стоять, оглушённая и униженная.

Мимо шли студенты, толкались, извинялись.

Она не слышала ничего, кроме его слов, раз за разом прокручивая их в голове...

А через месяц она узнала, что беременна.

Глава 1

Десять лет спустя

— Мам, ну ма-ам! А почему мы не можем еще пять минут посмотреть? Там же Кучеров сейчас будет!

Настя лихорадочно застегивала молнию на Мишиной хоккейной сумке, откуда предательски торчал край шлема.

Ледовый дворец гудел привычным утренним эхом — где-то били клюшками по борту, где-то свистел тренер.

— Миш, ну какое «посмотреть»? Я на работу опаздываю! — она дернула молнию, та заела. — Твою ж налево...

— Мам, ты опять ругаешься, — Миша шмыгнул носом и натянул кепку на самые глаза.

— Я не ругаюсь, я... выражаюсь производственными терминами. Давай руку, бегом к машине.

Она схватила сумку в одну руку, сына за руку — другой, и они вылетели из раздевалки.

Миша еще обернулся на монитор в холле, где как раз крупным планом дали какого-то нападающего.

— Мам, ну смотри! Это же Кучеров! У него там...

— Миш, бегом! — Настя уже тащила его к старенькому серебристому «Фольксвагену», припаркованному у обочины.

Она закинула сумку в багажник, усадила сына на заднее сиденье, пристегнула и только тогда выдохнула.

Посмотрела на часы.

Так. Восемь пятнадцать.

До школы двадцать минут, до работы еще столько же — в хороший день. В плохой — все пятьдесят.

А день, судя по всему, собирался быть именно плохим. Твою ж...

— Мам, а ты сегодня во сколько домой приедешь?

— Миш, сегодня не знаю даже. Там у нас совещание важное, начальник новый приходит. Что там ему взбредет в голову... Так что ты после школы сразу домой и за уроки. Приеду — проверю. И даже не думай в телефон играть, — Настя показала сыну грозный кулак в зеркало заднего вида.

— Достали эти уроки, — буркнул Миша сзади, пристегиваясь.

— Ты еще мне поговори. Перестанешь учиться — хоккеем можешь сказать adiós (*прощай*) и помахать ручкой.

— Ну ты агро, — надулся он.

— А то! Так что советую не связываться.

Город встретил ее привычным питерским утром — серым, сырым и пробочным.

На КАДе уже всё стояло.

Настя вцепилась в руль, вглядываясь вдаль, будто это могло помочь.

— Только не сегодня, только не сегодня, пожалуйста... — шептала она, перестраиваясь из ряда в ряд.

— Мам, а ты чего шепчешь?

— Молитву водителя, Миша.

Она бросила взгляд на часы: восемь тридцать пять. Рабочий день через двадцать пять минут начнется, а она еще даже до школы не доехала.

Мысли скакали как сумасшедшие.

Школа. Совещание. Реорганизация. Слияние с этим огромным клининговым монстром «Уборка PRO».

Десять лет она проработала в маленькой конторе.

Начинала делопроизводителем, еще когда там было пять человек и одна кофеварка. А теперь — слияние, оптимизация, сокращение штата. Красивые слова для того, чтобы выкинуть людей на улицу.

— Мам, а Кучеров знаешь сколько за сезон забил?

— Много, сынок. Очень много, — автоматически ответила Настя, вклиниваясь в правый ряд. Бесплезно. Все стояли.

В голове всплыло другое утро.

Давнее. Когда ей было двадцать два, и она стояла в коридоре института. Когда услышала о споре Германа с пацанами.

Она тогда отчислилась. Глупость. Какая же это была глупость.

Осталось доучиться всего два года. Два года!

Она могла бы стать педагогом, как мечтала. Могла бы работать в школе, с детьми.

Вон Мишку бы учила. А то совсем от рук отбился — один хоккей на уме да стрелялки на телефоне.

Но она не могла больше там находиться.

Настя отчислилась и нашла эту контору.

Техникум-то был окончен, специальность «делопроизводство» имелась. Взяли сразу. Платили копейки, зато дали служебное жильё — комнатушку в старом фонде, но свои углы.

А потом родился Миша.

Настя продолжала работать. Ей тогда повезло с руководством, пошли навстречу, разрешили работать по выходным и вечерам.

Вот она и таскала Мишку с собой: коляску в охапку, памперсы, смеси, всё с собой и впахивать.

Пособие было смехотворное, а так ещё кое-какие деньги перепадали, правда неофициально, но выбирать было не из чего.

А как Мише исполнилось два, она отдала его в ясли, так потихоньку жизнь и наладилась.

Начальник, дядька пожилой, сначала кряхтел, а потом махнул рукой, другого такого ответственного работника все равно не найти.

Зарплата у Насти была такая, что искать другого смысла не имело. Никто не соглашался работать за эти деньги. А она согласилась. Потому что надо было кормить Мишу.

Потому что надо было жить.

— Мам, смотри, Кучеров! — Миша ткнул пальцем в телефон, протягивая ей между сиденьями.

Настя глянула мельком — мужик в форме, с клюшкой,

улыбается.

— Здорово, — кивнула она и снова посмотрела на часы.

Восемь пятьдесят. Настя остановила у школы.

— Всё, беги.

— Пока, мам.

— Пока.

Миша выбежал из машины и потрусил в сторону школы.

Настя проводила его взглядом, пока он не скрылся за дверью. До работы еще двадцать минут, да и то, если пробка рассосется. Но она не рассасывалась. Она стояла.

Твою ж...

Настя забарабанила пальцами по рулю. В голове прокручивала варианты.

Может, бросить машину и в метро нырнуть? Тут в принципе недалеко. Она в любом случае опоздает, но если без машины, то может минут на пять раньше доберется.

Если она опоздает — это будет пятно на репутации. Считай первая под сокращение пойдет, кому нужен такой нерадивый работник. Если сократят — всё. Квартиру служебную отберут, идти некуда. На съем денег нет. Мишин хоккей еле еле тянет, спасибо родителям, что подкидывают иногда.

— Господи, пожалуйста, — выдохнула она. — Я больше никогда не буду опаздывать, честное слово. Только дай мне доехать вовремя.

Она выскочила из машины и побежала к метро. Часы неумолимо приближались к девяти.

Через пятнадцать минут Настя вбегала в офисное здание. У входа в кабинет столкнулась с секретаршей, которая уже набирала сообщение в телефоне.

— Настя, вы где? Там уже все в сборе! Из головной компании приехали!

— Бегу, — выдохнула Настя, влетая в лифт.

Двери закрылись. Она прислонилась спиной к стенке, пытаясь отдышаться. В голове пульсировало: «блин...блин...блин».

Лифт дернулся и поехал наверх. Настя поправила блузку, пригладила волосы, сделала глубокий вдох.

— Ты справишься, — сказала она своему отражению в зеркальной двери. — Ты справлялась и не с таким.

Двери открылись. Она шагнула в коридор и услышала голоса из зала совещаний. Мужские, уверенные.

Она вошла в зал совещаний, натянув дежурную улыбку.

Опоздала, пробки, сейчас извинится и сядет в уголке.

Подняла глаза.

И мир рухнул.

За столом сидел ОН.

В дорогом костюме, с небритой щетиной, с усмешкой, которая снилась ей в кошмарах десять лет.

Тот самый.

Из-за которого она бросила институт.

Из-за которого плакала ночами.

Тот, от которого она родила Мишку.

Герман поднял на неё равнодушный взгляд, скользнул по лицу и тут же вернулся к бумагам.

Он не узнал.

Сердце колотилось как безумное. В ушах шумело.

А он уже говорил что-то про оптимизацию, про сокращения, про будущее компании.

Она смотрела на него и думала: «Господи, сделай так, чтобы он никогда не узнал меня».

Но судьба всегда смеётся последней.

Глава 2

На совещании Настя почти ничего не слышала.

Она сидела на стуле, вцепившись пальцами в край сиденья, и чувствовала, как по спине течет холодный пот.

Голос Германа доносился словно сквозь вату — слова теряли смысл, не долетая до сознания.

Он что-то говорил про эффективность, про новую структуру управления, про оптимизацию процессов.

Листал презентацию. Представлял топ-менеджеров. Спрашивал, задавал уточняющие вопросы у начальников подразделений.

Настя сидела, боясь пошевелиться. Она смотрела на его руки, на длинные пальцы, дорогие часы на запястье.

Смотрела на его профиль — тот же разворот головы, та же манера чуть прищуриваться, когда он кого-то слушал.

Десять лет она не видела этого лица. И вот он здесь, в пяти метрах от нее, за столом, где решается ее судьба, как и судьба многих.

— Что касается кадровых решений, — Герман перевернул страницу, — мы будем проводить аудит персонала. Нам нужны сотрудники, которые разделяют ценности компании и готовы работать на результат. Те, кто не вписывается в новую модель, будут расставаться с нами по соглашению сторон.

Он сказал это буднично, как само собой разумеющееся.

Настя сжала пальцы. Ей становилось страшно за свое будущее.

Зная Германа, она была уверена: он опустится до любой низости, если это принесет выгоду для него.

Совещание тянулось как резина.

Обсуждали бюджеты, план на квартал, распределение зон ответственности.

Настя кивала вместе с остальными, когда надо было кивать, но не слышала ни слова.

Она смотрела на Германа и думала только об одном: лишь бы не узнал.

Она изменилась за эти годы. Стала увереннее. Или ей так казалось.

Ей пришлось одной растить сына, пробиваться в этом мире, и комплексы по поводу лишнего веса не то, чтобы исчезли, но отодвинулись на второй план.

Когда главная задача выжить, на такие мелочи уже не обращаешь внимания.

Личная жизнь у Насти была с переменным успехом: случались небольшие романы, которые так и не переросли во что-то серьезное.

Удар, нанесенный Германом, поставил своего рода блок в ее доверии к мужчинам.

Она закрылась от них словно в раковине, и никому так и не удалось ее раскатать.

Наконец Герман закрыл ноутбук.

— Вопросы есть?

Вопросов не было. Люди задвигали стульями, засобирались к выходу.

Настя вскочила первой. Схватила сумку и рванула к двери, не глядя по сторонам.

Сейчас, сейчас она выйдет. Сейчас окажется в коридоре, дойдет до лифта, спустится вниз, войдет в отдел контроля документооборота...

— Анастасия Ивановна?

Спокойный вкрадчивый голос остановил ее на пороге.

Настя замерла. Медленно обернулась.

Герман стоял у стола, опершись руками о столешницу.

Рядом с ним стояла начальник отдела кадров Марина Семеновна. Вредная тетка, проработавшая в компании еще дольше, чем Настя. Она знала досье на всех сотрудников досконально.

Остальные сотрудники уже вышли. Дверь закрылась за последним из них.

В зале остались только они втроем.

— Подойдите, пожалуйста, — Герман показал на стул напротив своего стола. — А вы, Марина Семеновна, можете быть свободны.

Настя сделала шаг. Потом второй. Ноги стали ватными.

Она чувствовала, как предательски дрожат руки, и спрятала их в карманы пиджака.

Герман смотрел на нее внимательно, изучающе. Взгляд скользнул по лицу, остановился на глазах, опустился ниже и снова поднялся.

— Смирнова Анастасия Ивановна? — спросил он, уточняя.

— Да, — голос прозвучал глухо.

Он кивнул, задумался. На лбу пролегла морщина. Он что-то обдумывал, что-то сверял в голове.

Настя смотрела на эту морщину и чувствовала, как сердце ухает куда-то вниз.

Сейчас. Сейчас он поймет. Сейчас он вспомнит.

Герман чуть склонил голову набок, разглядывая ее. Долго, пристально.

— Странно, — произнес он наконец.

— Что странно? — выдавила Настя.

— Ваше лицо мне кажется знакомым.

У нее внутри всё оборвалось.

— Мы нигде не пересекались? — продолжал Герман. — У меня хорошая память на лица. Обычно я не ошибаюсь.

Настя молчала.

В голове билась одна мысль: не узнал. Он пока не узнал. Но если она сейчас скажет что-то не то, если дрогнет...

— Нет, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Не пересекались.

— Уверены? — Герман прищурился. — Может, учились где-то вместе? Или работали?

— Нет.

Герман хмыкнул.

Он продолжал смотреть, и от этого взгляда хотелось провалиться сквозь землю.

— Ладно, — сказал он наконец и выпрямился. — Не будем отвлекаться.

Он обошел стол, оказался рядом, прямо напротив нее.

Уперся бедрами о стол, руки скрестил на груди.

Настя чувствовала запах его парфюма. Терпкий, насыщенный. Раньше от него пахло по-другому.

— У меня к вам деловой разговор, — голос Германа стал жестче. — Вы сегодня опоздали.

Настя сглотнула.

— Пробки. Я...

— Я не закончил, — перебил он. — Я понимаю, что в коллективе, возможно, были другие правила. Но сейчас все изменилось.

Он сделал паузу, давая ей прочувствовать каждое слово.

— Я бы на вашем месте соблюдал трудовую дисциплину. Особенно если человек работает в компании десять лет и занимает должность, даже не имея высшего образования. — Вы понимаете, о чем я?

— Понимаю, — выдавила Настя.

— Мы будем проводить оптимизацию штата. — Герман говорил спокойно, мнимо дружелюбно. — И первыми под сокращение идут те, кто не может обеспечить дисциплину.

Те, кто не соответствует новому уровню.

Он смотрел ей прямо в глаза.

Настя чувствовала, как горят щеки, как предательски дрожит подбородок.

Она сжала руки в кулаки, так и не вынув их из карманов, чтобы не выдать, как трясутся ее руки.

— Я обычно не опаздываю...

— Вы у меня на карандаше, Анастасия, — перебил Герман. Голос его стал ледяным. — Имейте это в виду, когда в следующий раз снова решите нарушить трудовую дисциплину. Вам все понятно?

Настя смотрела на него.

На эти глаза, которые десять лет назад смотрели на нее с мнимой любовью, потом — с презрением, а сейчас — с арктическим холодом.

На эту усмешку, которую она так хорошо помнила.

На этого человека, который разбил ее жизнь, а теперь стоял перед ней и читал нотации о дисциплине.

Внутри нее все кипело.

Слова рвались наружу, обжигая горло.

Она хотела сказать что-то резкое. Выкрикнуть ему в лицо всё, что накипело за десять лет.

Сказать, что он не имеет права. Что это он должен сидеть и оправдываться.

Что это из-за него она бросила институт и не получила вышку.

Что из-за него она вкалывает на этой работе, трясется над каждой копейкой, чтобы вырастить...

Она открыла рот.

— У вас есть что сказать? — спросил Герман.

— Нет, — выдохнула она, оставив все свои претензии к нему у себя внутри.

— Тогда можете быть свободны.

Настя встала и, стараясь держать спину ровно, пошла к двери.

Ей казалось, что пол плывет под ногами. Каждый шаг давался с трудом.

Она вышла в коридор. Дверь за ней закрылась.

И тогда она побежала.

Мимо лифта она рванула к лестнице.

Вниз по ступенькам, через пролет, еще один, еще. Подальше от этого кабинета, от его надменного голоса, от его арктических глаз.

В отделе она рухнула в свое кресло и накрыла голову руками.

— Твою ж... — прошептала она.

— Насть, ты чего? — тут же подскочила к ней Марина. — Что случилось?

— Все нормально, — выдохнула Настя.

— Видела, какой зверюга нами теперь будет управлять? — Марина понизила голос. — А чего он от тебя хотел?

— Да так, — Настя махнула рукой. — Отчитал за опоз-

дание.

— Вот же блин. С виду он, конечно, крутой мужик, но терять место совсем не хочется. Тут хоть и деньги небольшие, зато стабильность. Ходят, ты же слышала, что после завершения реорганизации зарплаты будут поднимать и существенно. Поэтому он каждого сотрудника на вшивость будет проверять. Кто пройдет, тот останется в шоколаде, а кто нет... тью-тью, с вещами на выход.

— Мне никак нельзя с вещами на выход, — вздохнула Настя. — Поэтому давай работать, чтобы этот цербер не прицепился.

Марина кивнула и отошла к своему столу.

Остаток дня тянулся медленно.

Настя делала вид, что работает, но перед глазами стояло лицо Германа, в ушах звучал его ледяной голос.

Она несколько раз ловила себя на том, что смотрит в одну точку, перебирая в голове варианты: уволиться самой, не дожидаясь сокращения? Держаться до последнего? И главное, как вести себя, если он снова вызовет?

К шести часам она была вымотана так, словно разгружала вагоны. Сил не оставалось ни на что.

— Насть, ты домой? — спросила Марина, собирая сумку.

— Да, пойду, — ответила Настя, с трудом поднимаясь с кресла.

Она накинула пиджак, проверила, на месте ли телефон, взяла сумку и вышла в коридор.

Тихий гул голосов, шаги, закрывающиеся двери — офис постепенно затихал, освобождаясь от дневной суеты.

Настя направилась к лифту. Еще немного и она выйдет на улицу, вдохнет вечерний воздух, сядет в метро...

В сумке завибрировал телефон.

Настя взглянула на экран.

Миша.

Она ответила, прижимая трубку к уху, и пошла дальше, к лифту.

— Привет, сына. Как прошел день?

— Нормально. Ты скоро придешь?

— Уже выхожу с работы. Ты поел?

— Да, я суп разогрел. Мам, а можно я полчаса поиграю?

Настя улыбнулась, нажимая кнопку вызова лифта. В груди потеплело.

— Можно, если уроки сделал?

— Сделал. — Миша зевнул.

— Тогда можешь поиграть, сынок.

Настя шагнула внутрь, все еще держа телефон у уха, и только потом заметила, что следом за ней в кабину зашел еще один человек.

Лифт тронулся. Настя чувствовала тяжелое, давящее присутствие за спиной.

— Я смотрю на вас, Анастасия, и не могу понять... — произнес Герман за ее спиной.

Она вздрогнула и медленно обернулась.

Герман стоял, прислонившись плечом к стене лифта, руки в карманах брюк, голова чуть наклонена.

Его цепкие глаза смотрели на нее с выражением, которого она не могла прочесть. На губах застыла странная, нечитаемая усмешка.

— Что? — выдохнула Настя.

— Пока не знаю, — ответил он. — Но обязательно узнаю...

Лифт остановился на первом этаже. Двери открылись, и Герман вышел.

Настя осталась стоять в кабине, вцепившись в сумку.

В голове роились вопросы, на которые не было ответов.

Глава 3

Настя повернула ключ, толкнула дверь и вошла в квартиру.

— Мам, привет! — Миша выглянул из кухни, взлохмаченный, с телефоном в руке.

— Привет. Ты готов?

— Да!

— Отлично. Дай десять минут, и поедем.

Она скинула туфли в прихожей, прошла в ванную. Плита на кухне была ещё тёплая — Миша разогрел борщ и даже не забыл выключить конфорку.

Настя улыбнулась. Молодец он у неё, самостоятельный.

Она переоделась в спортивки, глянула на себя в зеркало.

Женщина в отражении совсем не походила на ту, что несколько часов назад сидела в зале совещаний, вцепившись в край стула. Простая, домашняя, выжатая как лимон.

— Всё, чемпион. По коням!

В машине Миша сразу уткнулся в телефон.

— Мам, в воскресенье у нас игра. Ты помнишь?

— Ты разве дашь забыть?

— Ты придешь? В прошлый раз опоздала.

— В тот раз колесо проткнула. Форс-мажор, — она встретила с ним взглядом в зеркале заднего вида. — В этот раз не опоздаю.

— Обещаешь?

— Обещаю. — Она сделала паузу. — А ты обещаешь сходить в парикмахерскую, а то зарос.

— Да нормально всё. Сейчас так в тренде.

— Твой тренд почаще мой и расчесывай. А то на лешего похож.

— Да ладно тебе.

Он натянул кепку на глаза и отвернулся к окну. Настя улыбнулась. Мишка в своем репертуаре. То мягкий и нежный «мамин сын», а то становится колючим как еж.

Вечером они вернулись с тренировки. Миша был на взводе — команда выиграла, он забил первую шайбу в сезоне.

— Мам, ты видела, как я их защитника об борт?! А потом — бах! — в ближний верхний! Вратарь даже не понял!

— Видела, — Настя улыбнулась, хотя всю игру она проспала. День был настолько насыщен на эмоции, что она сама не заметила, как ее отключило. — Ты был лучшим.

— Тренер сказал, в основной состав возьмут! В основу, мам!

Он носился по коридору, на ходу стягивая толстовку, скидывая кроссовки. Настя смотрела на него и чувствовала, как внутри отпускает. Здесь, в этой квартире, Герман не имел власти.

Она заставила себя выбросить мысль о Германе. Хватит, он и так лишил ее сегодня покоя.

После ужина Миша начал клевать носом прямо за столом. Настя отправила его в душ, потом в кровать. Через пять минут из его комнаты уже доносилось ровное дыхание.

Она убрала со стола, вымыла посуду, выключила свет. В квартире стало тихо.

Настя прошла в свою комнату и рухнула на кровать, даже не раздеваясь. Тело было свинцовым. Глаза закрылись сами собой. Она думала, что уснёт мгновенно, но разум, словно назло, включился на полную.

В темноте, глядя в потолок, она снова увидела его лицо. Те же глаза. Та же усмешка. Те же пальцы, которыми он постукивал по столу.

Герман.

Он здесь, и он теперь её начальник.

Она не знала, что хуже: то, что он не помнит её, или то, что она не может забыть его.

Десять лет она растила сына, работала, выживала, старалась не думать о том, что было.

И вот он снова появился в ее жизни, как будто, так и надо, и вся её выстроенная защита рухнула за секунду.

Сегодня она снова почувствовала себя той двадцатидвухлетней девочкой. Робкой, неуверенной. Которая не могла поверить, что на неё обратил внимание такой парень, как Герман.

Как же это было...

Она училась на четвертом курсе педагогического. Он тоже

на четвёртом, но на факультете управления и финансов.

Красивый, уверенный, наглый.

Все его знали.

Девчонки сохли, парни хотели быть на равных. Он был популярным, и он знал это. Ходил с таким видом, будто весь мир его личная сцена.

Настя видела его издалека. На переменах, в столовой, на улице.

Он был центром любой компании, и она даже представить не могла, что когда-нибудь окажется с ним рядом.

Тот день она помнила во всех подробностях.

В вузе проходил баскетбольный матч. Настя пошла не потому, что любила спорт, просто надо было отработать пропуск по физкультуре.

Педагог сказал: кто будет активно болеть, получит дополнительную оценку. Ей это подходило. Нормативы она сдавала на тройку, и эта тройка портила всю зачётку.

Она села в первом ряду. Взяла с собой бутылку воды.

Матч был напряжённым. Их команда выигрывала, потом проигрывала, потом снова вырывалась вперёд.

Герман играл лучше всех. Она смотрела на него, не отрываясь. Он был быстрым, резким, злым. Кричал на судью, спорил с соперниками. Весь зал следил за ним.

После матча, когда его команда победила, к нему подбежали люди с микрофоном. Местное телевидение, наверное.

Ведущая что-то спросила про игру, а потом задала во-

прос, от которого зал затих:

— Герман, есть ли у вас девушка?

Он ухмыльнулся.

— На данный момент я свободен, — сказал он расслабленно. — Не встретил ещё ту самую.

Он говорил эти слова, а сам медленно обводил взглядом зал. Не спеша, будто выбирал. Настя смотрела на него и не могла отвести глаз.

А потом он заметил её.

Их взгляды встретились на секунду, не больше. Настя почувствовала, как кровь прилила к лицу, и опустила глаза.

Когда она снова посмотрела на него, он уже двигался в её сторону.

Он подошёл к трибуне, протянул руку и взял её бутылку. Её личную бутылку. Открыл, сделал большой глоток, вытер губы тыльной стороной ладони и посмотрел на неё сверху вниз.

— Спасибо, — сказал он с той же ухмылкой. — Жарко сегодня.

Настя не могла вымолвить ни слова.

А после матча он нашёл её у выхода.

— Проводить до общаги? Темно уже.

Она кивнула. Конечно, она кивнула. Кто бы на ее месте не кивнул?

Они шли по темной улице, и он рассказывал что-то смешное про игру, про тренера, который орал на них в перерыве,

про соперника, который чуть не сломал ему нос.

Настя шла рядом и не верила, что это происходит с ней. Что он, Герман, звезда всего университета идет рядом, смотрит на нее, улыбается.

А потом он взял ее за руку. Просто взял, как будто, так и надо.

У нее тогда сердце ухнуло куда-то вниз.

Так начался их роман.

Головокружительный, быстрый, как горная река. Они встречались почти две недели.

Герман был внимательным, заботливым, говорил красивые слова, водил в кафе, дарил цветы.

Она была на седьмом небе. Думала, что это судьба. Думала, что он и правда искал именно ее. Разглядел за ее обычной внешностью что-то такое. Ну как в романах о любви.

Потом она узнала...

Ее выбрали банально — по счету. Она услышала это позже, от кого-то из его друзей, которые еще долго мусолили этот спор, обсуждая его между собой.

В перерыве между таймами они решили поспорить. Герман был известным бабником и заявил, что любую готов уложить в постель, и для этого ему понадобится максимум две недели.

Кто-то из парней ухватился за этот вызов. Девушку решили выбрать с первого ряда — ту, что сидит на стуле номер десять.

В тот день Настя сидела в первом ряду на десятом месте. Десятое кресло от края. Вот так она и вляпалась в Германа. Если бы она сидела на девятом или одиннадцатом, всё сложилось бы иначе. Осталась бы скромной, немного забитой Настей, доучилась бы в вузе, стала педагогом. Но судьба распорядилась иначе.

Та встреча стала роковой. И единственным её плюсом оказалось то, что Герман преподавал ей неоценимый урок и подарил любимого сына.

Настя сжала кулаки от злости.

Десять лет прошло. А она все помнила.

Она закрыла глаза, и перед внутренним взором снова встала сцена в кабинете... Как он днем сидел напротив нее и читал нотации о дисциплине.

Ей хотелось кричать.

Хотелось вскочить, ударить его по лицу, высказать всё, что накопилось.

Сказать, что она не забыла. Что она никогда не забудет.

Что он поступил как подонок. Что он мерзавец и не имеет права ее отчитывать.

Но она молчала. Потому что не хотела, чтобы он узнал, кто она.

В его жизни разных Насть было, наверное, много, ее облик не отпечатался у него в памяти.

Герман был опасен.

Она не знала этого в самом начале, пребывая в своем ро-

зовом сне. Узнала позже, разбившись о правду.

А теперь он стал старше, циничнее, жестче. И у него была власть. Реальная власть над ее судьбой.

Он сказал, что она у него на карандаше. Намекнул, что она первая на увольнение. И Настя верила, что он сделает это.

Не потому, что она плохой работник. А потому что он — Герман. И ему ничего не стоит переступить через человека.

Она лежала в темноте, смотрела в потолок и чувствовала, как страх обволакивает ее, проникает под кожу, пульсирует где-то в груди.

Рядом, за стеной, спал Миша. Ее сын. Их сын.

И если Герман узнает — что тогда?

Что он сделает?

Захочет увидеть?

Захочет забрать?

Мысли путались, накладывались одна на другую. Настя не заметила, как провалилась в тяжелый, тревожный сон.

Проснулась она, когда за окном начинало светать.

Утро вторника выдалось серым и промозглым, как часто бывает в Питере.

Настя долго лежала в кровати. В голове было пусто и тяжело одновременно.

— Мам, ты встала? — Миша заглянул в комнату.

— Встаю.

Она поднялась, умылась, сварила кофе. Миша сидел на кухне, жевал бутерброд. Настя смотрела на него и снова пой-

мала себя на том, что ищет знакомые черты.

Вот так же хмурился Герман. Вот так же откидывал голову, когда смеялся.

Если Герман увидит Мишу, он поймёт. С первого взгляда.

— Мам, ты чего? — Миша поднял глаза.

— Что?

— Смотришь на меня странно.

— Просто люблюсь, — Настя улыбнулась. — Ты у меня красивый.

— Фу, — он скривился, но в глазах мелькнуло удовольствие.

— Ладно, пошли. А то опоздаем.

Сегодня дороги были пустыми. Настя без нервогрёпки довезла Мишу до тренировки, а потом до школы и вовремя добралась до офиса.

Она зашла в кабинет. Марины не было, та, видимо, ушла в хранилище.

Настя включила компьютер, открыла почту. И замерла.

Письмо от Марины Семеновны, начальника отдела кадров.

Тема: «Срочно. Аттестация».

Настя открыла. Пробежалась глазами.

«Уважаемая Анастасия Ивановна! В связи с реорганизацией компании для вас назначена внеплановая аттестация. Дата и время: сегодня, 10:00, кабинет 405».

Она перечитала письмо три раза. Пальцы на мышке зале-

денели.

Внеплановая аттестация. Её одну. Без предупреждения.

Она встала, подошла к окну, сжала подоконник. Пальцы дрожали.

Внизу спешили по своим делам люди. Ей хотелось оказаться там, среди них. Раствориться. Уйти. Спрятаться.

Но она не могла. У неё был Миша. И работа, которая кормила их обоих.

Она глубоко вздохнула, поправила блузку и вышла в коридор.

Ноги несли её сами. Она остановилась перед дверью с табличкой «405».

Настя подняла руку, постучала.

— Войдите.

Она толкнула дверь и вошла.

Герман сидел за столом. Темный костюм, свежесбритое лицо, папка с документами. Он поднял глаза.

— Анастасия Ивановна. Присаживайтесь.

Она села напротив. Спина прямая, руки на коленях, но внутри всё тряслось.

Герман закрыл папку, сложил руки на столе. Посмотрел на неё в упор.

— Я вызвал вас на внеплановую аттестацию. Стандартная процедура. Не волнуйтесь.

Он сделал паузу и в этой паузе Настя услышала что-то, что не вписывалось в его спокойный тон. Или это ей просто

показалась.

— Но есть один момент, — Герман открыл папку. — В вашем личном деле указано, что вы закончили техникум. После вы поступили на педагогический факультет. Проучились четыре года, а потом забрали документы.

Его колючий взгляд вонзился в неё.

— Почему?

Глава 4

Настя сжала пальцы. В горле пересохло.

— Обстоятельства.

— Какие?

— Личные.

Герман смотрел долго, пристально.

Настя чувствовала, как этот взгляд проникает под кожу, лезет в душу, выворачивает наизнанку.

Казалось, он видит её насквозь — всю, до самого дна, до тех тайников, где она прятала правду.

— Личные, значит, — повторил он медленно, и в его голосе появилось что-то новое. Что-то, чего она не могла распознать. — Хорошо. Тогда другой вопрос. Вы учились там в одно время со мной. В одном вузе. Мы могли пересекаться?

Настя молчала. В голове пульсировало: не узнал. Он пока не узнал. Но если я сейчас скажу что-то не то...

— Сомневаюсь, — сказала она. Голос на удивление прозвучал ровно, хотя внутри всё дрожало.

— Странно, — Герман чуть наклонил голову, разглядывая её. В его глазах вспыхнуло что-то — любопытство? подозрение? — и тут же погасло. — Мне ваше лицо кажется знакомым с первой минуты, как я вас увидел. Учились мы с вами в одном вузе и в один период времени. И вы утверждаете, что мы незнакомы?

— Именно.

Он встал, обошел стол, оказался рядом.

Слишком близко. Настолько близко, что Настя чувствовала его дыхание, слышала запах парфюма.

Сердце колотилось так сильно, и она боялась, что он услышит этот бешеный стук.

— Я редко ошибаюсь, — сказал он тихо. Голос его звучал вкрадчиво, почти ласково, и от этого становилось только страшнее. — И если говорю, что вы мне кажетесь знакомой, значит, так оно и есть.

Настя подняла на него глаза. Сделала глубокий вдох. Она не могла сейчас сломаться. Не могла показать страх.

— Возможно, я вам просто кого-то напоминаю.

Герман усмехнулся.

— Возможно, — протянул он задумчиво, но её взгляд не отпускал. — Вернемся к аттестации.

Он начал задавать вопросы. Про документооборот, про сроки, про отчетность. Настя отвечала автоматически, потому что знала это всё наизусть. Но мысли были далеко.

Она думала о том, что он не вспомнил её. Что она пронесла причиненную им боль через десять лет, а он даже лица её не запомнил.

А может, и запомнил? — шевельнулась где-то внутри предательская мысль. Может, он просто играет? Как тогда?

Но она отогнала её. Не мог он запомнить. Для него она была одной из многих. Одной из тех, кого он использовал и

выбросил.

— Хорошо, — Герман закрыл папку. — С аттестацией закончили. Вопросов больше нет.

Настя почувствовала, как гора свалилась с плеч. Она начала подниматься, уже предвкушая, как выйдет в коридор, как сделает первый свободный вдох.

— Но я хотел кое-что уточнить, — он поднял руку, останавливая её.

Настя замерла. Сердце пропустило удар.

Герман откинулся на спинку кресла, сложил руки на груди. Смотрел на неё долго, изучающе.

Так смотрят на загадку, которую никак не могут разгадать. Так смотрят на дверь, за которой, кажется, спрятана тайна.

— У вас есть дети? — спросил он вдруг.

Вопрос прозвучал неожиданно, как выстрел в тишине. Настя почувствовала, как кровь отлила от лица, как пальцы рук похолодели.

— Да, — выдавила она.

— Сын, дочь?

— Сын. — еле выдавила она.

— Сколько ему?

Настя замешкалась на секунду.

— Девять, — ответила она. Голос дрогнул, и она возненавидела себя за эту дрожь.

Герман кивнул, медленно, будто что-то прикидывая в уме. На лбу снова пролегла знакомая морщина.

— Девять, — повторил он. — А вы, если я правильно посчитал, ушли из университета десять лет назад.

Настя молчала. В горле пересохло окончательно, язык будто прилип к нёбу.

— Совпадение? — спросил Герман, и в его голосе прозвучала странная нотка. Что-то между любопытством и... чем-то ещё. Что-то, что заставило её внутренности сжаться в тугой узел.

— Это не имеет значение, — ответила она, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Могу я идти?

Но он не отпускал. Смотрел на неё, будто дыру хотел просверлить взглядом.

Герман не понимал, что с ним происходит.

Со вчерашнего дня, как он увидел ее, что-то в ней его зацепило.

Не красота — она не была красавицей, обычная внешность.

Не фигура — в ней было слишком много всего.

Но было что-то такое, от чего он не мог отвести глаз.

Что-то, что заставляло его снова и снова возвращаться к ней мыслями.

Что-то, что он не мог объяснить.

Она была неудобной. Колючей.

Смотрела на него так, будто знала что-то, чего не знал он. Будто у неё был секрет, который она отчаянно пыталась спрятать.

И это бесило и притягивало одновременно.

Герман подался вперед.

— Как зовут вашего сына?

— Миша.

— Миша, — повторил Герман, словно пробуя имя на вкус.

— Хорошее имя. И чем он занимается?

— Хоккеем.

— Хоккей, — усмехнулся он. — Хороший спорт. Я сам играл в юности. В университете, правда, переключился на баскетбол.

Настя молчала. Напряжение достигло своего максимума. Каждая клетка ее тела кричала: уходи, уходи сейчас же.

— А где отец? — спросил он. — Если не секрет.

— Он... не участвует в нашей жизни, — выдавила Настя.

— Мы расстались.

— Жаль, — сказал Герман, и в его голосе действительно прозвучало что-то похожее на сожаление. — Хоккей — дорогой спорт. Одной тянуть сложно.

— Справляюсь.

Он продолжал сканировать её, отчего у Насти перехватывало дыхание.

— Вы сказали, что вашему сыну девять, — продолжил Герман. — Вы ушли из университета десять лет назад. Мы учились в одно время. В одном месте. Вы меня не помните. А я... — он сделал паузу, и в этой паузе повисло что-то тяжелое, почти осязаемое. — Такое ощущение, что вы мне зна-

комы. Близко знакомы.

Он снова наклонился к ней, сокращая расстояние. Настя чувствовала тепло его тела, видела, как расширены его зрачки, как напряжены скулы.

— Не кажется ли вам, что всё это... странно? — спросил он, и голос его стал ниже, почти интимным.

Настя молчала. Она не могла говорить, не могла дышать. Воздух в кабинете, казалось, закончился.

— Мне кажется, что аттестация закончена... — сказала она резко, срываясь на хрип.

Ее терпению пришел конец. Это напряжение было просто невыносимым.

Ещё минута и она закричит, или заплачет, или выложит всё.

Он на мгновение замер.

Потом будто бы проснулся, резко отстранился.

— Вы можете идти... — сказал он ровным голосом. — Но я думаю, мы ещё увидимся...

Глава 5

Остаток рабочего дня тянулся бесконечно.

Настя сидела за своим столом, уставившись в монитор, но не видела ни строчки.

Мысли были далеко, там, на четвертом этаже, в кабинете с табличкой «405».

Он запросил её личное дело. Это ей двадцать минут назад сообщила начальник отдела кадров.

Настя прокручивала в голове раз за разом: что делать?

Уволиться? Прямо сейчас, не дожидаясь завтрашнего утра, написать заявление и исчезнуть?

Рука уже потянулась к телефону, чтобы позвонить кадровику, но она резко одернула себя.

Стоп. Думай, Настя. — прикрикнула она на себя.

Она живет в служебной квартире. Если она уволится, её выселят.

Куда идти с Мишкой? На съемную квартиру денег нет.

Даже если снять какую-нибудь комнату на окраине — нужно оплатить первый месяц и депозит, а у нее на счету копейки. Едва хватает на хоккей, на еду, на коммуналку.

И работа... с этой работой ей повезло десять лет назад. Тогда она была молодой, неопытной, без диплома. Её взяли из жалости.

Сейчас таких вакансий на рынке почти нет. Чтобы найти

что-то путное, нужно время и образование. А время — это деньги. Деньги, которых у нее нет.

Можно устроиться продавцом в магазин, там высшее образование не спрашивают. Но, тогда как возить Мишку на тренировки?

Она не может лишить сына его страсти. Сама же привела его в этот спорт, сама растила в нем любовь к хоккею. Теперь отберет? Нет. Так нельзя.

Думай, Настя, думай, — снова говорила она себе. — Выход должен быть.

Кушать нужно каждый день. За секцию платить — каждый месяц. Хоккейная форма растет вместе с Мишкой, новые коньки, клюшки... Родители помогают, но их доходы не резиновые. Они сами на пенсии, сами считают каждую копейку.

Настя сжала кулаки, почувствовав, как ногти впиваются в ладони.

Я не могу уволиться прямо сейчас. Я не могу себе этого позволить в данный момент.

Значит, остается только одно: ждать. Смотреть, что будет. Может, он просто проверяет всех сотрудников? Может, это действительно стандартная процедура? Может, он не станет копать глубже?

Она сама не верила в то, что говорила.

Всё, что произошло сегодня в кабинете, говорило об обратном. Он чувствовал. Он что-то чувствовал.

Иначе зачем бы он спрашивал про сына? Зачем бы смотрел так, будто пытался заглянуть ей в душу?

Он знает или догадывается. Или был где-то рядом со своими выводами.

Настя открыла браузер, набрала в поисковике: «вакансии делопроизводитель».

Результатов было много.

Она начала просматривать, и с каждым кликом сердце билось все быстрее. Везде требовалось высшее образование, этого у нее не было.

Но она подходила по опыту работы. Она прекрасно владела необходимыми программами. У нее были знания и опыт.

Вторую половину дня она занималась тем, что составляла резюме и рассылала их потенциальным работодателям. Пальцы летали по клавиатуре, она вписывала свои навыки, достижения, опыт.

Каждое слово давалось с трудом. Она не умела себя продавать, не умела красиво врать о своих заслугах. Но старалась.

Отклики не заставили себя ждать.

Первый пришел через час: «К сожалению, ваша кандидатура нам не подходит».

Второй — через полтора: «Мы ищем специалиста с высшим образованием».

Третий — ближе к вечеру: «Спасибо, мы вам перезвоним». Она знала, что это значит.

Настя откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. В груди нарастала тяжесть.

Ничего, — сказала она себе. — Не надо вешать нос. Резюме уже в десяти организациях. Надо верить, что кому-нибудь она подойдет.

Но верить было сложно. Без высшего образования. С ребенком на руках. С опытом, который, как оказалось, не особо был нужен с отсутствующей вышкой.

Надо было заранее позаботиться о дипломе, — мелькнула горькая мысль. — Тогда бы у Германа не было бы еще одного рычага давить на нее.

Но тогда, когда она осталась одна с ребенком, ее мысли были заняты только выживанием. А потом, когда жизнь устаканилась, она совсем забыла об этом.

И вот теперь эта забывчивость стала козырем в руках ее врага.

Врага ли? — шевельнулось где-то внутри. — Врага. Конечно, врага. Того, кто разбил её жизнь, а теперь хочет добить.

Но разве она виновата, что тогда, десять лет назад, её мир рухнул?

Что она поверила сладким речам Германа?

Что она не смогла оставаться в институте, где могла встретить его на каждом углу?

Что она была беременна, напугана, одна?

Настя почувствовала, как к горлу подступает ком.

— Нет, — сказала она себе вслух, открывая глаза. — Не раскисай. Собирай вещи и домой к сыну. Там еще поищешь. Питер большой город, ты обязательно найдешь себе работу. Главное, Настя, не опускай руки.

Она собрала вещи, выключила компьютер и вышла из кабинета. В коридорах было шумно, рабочий день закончился, сотрудники спешили по домам к своим семьям. Кто-то смеялся, кто-то обсуждал планы на вечер, кто-то торопился в метро.

Настя прошла мимо лифта, снова выбрала лестницу. Не хотелось рисковать. Не хотелось снова оказаться с Германом в одной кабине.

Дома было тихо. Она вошла в прихожую, повесила сумку, сняла туфли и заглянула в комнату.

— Привет, чемпион.

— О, привет, мама, — Миша поднял голову от учебника.
— А я не услышал, как ты пришла.

— Чем занимаешься?

— Русский доделываю.

— Молодец.

— Мам, можно я после русского в телефон поиграю?

— Можно. Но помимо русского тебе нужно...

— Да знаю, знаю, — перебил он, загибая пальцы. — Собрать рюкзак, помыться, поужинать.

— Всё знаешь... — сказала она с улыбкой.

— А когда я всё сделаю, можно?

— Вот когда всё сделаешь — тогда можно.

— Ты супер.

— Ты тоже.

Настя подмигнула Мишке и вышла из комнаты. Он уже уткнулся обратно в учебник, что-то бормоча себе под нос про суффикс, который стоит после корня и служит для образования новых слов.

Пока сын занимался своими делами, Настя перекусила, наскоро разогрела вчерашний суп, съела половину тарелки, даже не чувствуя вкуса.

Потом снова села за компьютер.

Три часа пролетели незаметно. Она рассылала резюме, просматривала новые вакансии.

Когда она подняла голову, часы показывали одиннадцатый час. В квартире было тихо — Миша, видимо, уже спал.

Настя тихонько заглянула в его комнату. Сын лежал, укрывшись одеялом с ног до головы, из-под одеяла торчала только макушка с растрепанными волосами.

Рюкзак стоял собранный у письменного стола.

Настя поправила одеяло, поцеловала его в лоб.

— Спокойной ночи, — прошептала она.

Она прикрыла дверь и прошла на кухню. Налила себе горячий чай, села за стол. В тишине было слышно, как гудит холодильник, как где-то за стеной тихо работает телевизор.

Что делать? Что делать? Что делать?

Уже пришло четыре отказа. Быстро работает служба под-

бора персонала.

Может, возраст её не устроил?

Или всё-таки отсутствие пресловутой вышки?

Или то, что она десять лет просидела на одном месте без карьерного роста?

Мысли крутились по замкнутому кругу. Уволиться нельзя — некуда идти. Остаться — значит ждать, пока он докопается до правды. А он докопается. Она это чувствовала. Он не отстанет.

Настя отхлебнула чай, обжигаясь, поставила кружку на стол.

Она снова открыла ноутбук, снова зашла на сайт с вакансиями. Просматривала одну за другой, и с каждой строчкой чувство отчаяния росло.

Потом, подумав, она начала откликаться на вакансии администратора. В конце концов, если зарплата будет хорошая, она сможет нанять няню, которая будет возить Мишу на тренировки.

Она уже начала засыпать прямо за столом. Голова клонилась к клавиатуре, веки слипались, мысли путались, превращаясь в бессвязный поток.

Она почти провалилась в сон, когда в тишине квартиры раздался звонок в дверь.

Настя вздрогнула, резко выпрямилась.

Она посмотрела на часы. Почти одиннадцать вечера.

Кто в такое время?

Звонок повторился, настойчивый, требовательный. Тот, кто стоял за дверью, не собирался уходить.

Настя поднялась и пошла в коридор. Она подошла к двери, прильнула к глазку.

Сначала она ничего не поняла — темно, не видно. Потом фигура отступила на шаг, и свет на лестничной площадке упал на лицо.

Герман.

Настя отшатнулась от двери, прижалась спиной к стене. Ладони вспотели, сердце колотилось так сильно, что, казалось, его стук разбудит весь дом.

Откуда он здесь? Зачем?

Звонок прозвучал в третий раз, теперь громче, настойчивее.

Настя слышала, как в детской завозился Миша — он сейчас проснется.

— Анастасия, — раздалось из-за двери. — Я знаю, ты дома. Открывай.

Настя стояла, не в силах пошевелиться. Руки дрожали. В голове пульсировало: не открывай, не открывай, не открывай.

— Я не уйду. Можешь не сомневаться.

Она закрыла глаза. Сделала глубокий вдох. Потом еще один. Потом медленно выдохнула.

Если он начнет ломиться, Миша проснется. Соседи вызовут полицию. Будет скандал.

Настя повернула замок.

Дверь открылась.

Герман стоял на пороге. Черный костюм, галстук слегка расслаблен, дорогие ботинки, сосредоточенное лицо.

В руке он держал папку.

Он смотрел на неё сверху вниз, и на губах его играла знакомая усмешка.

— Ну что, — сказал он, и голос его был мягким, почти ласковым, но в глазах горел холодный, расчетливый огонь.

— Привет, Пончик.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.